

Владимир Марфин

пужик
устовёкой
кюре?

бюзпйлоуи.

ПИИТЫ

И

Агонико
спреения

ФАВОРИТЫ

Ддзоёдроноечиги

18+

Владимир Марфин

ПИИТЫ И ФАВОРИТЫ

«Автор»

2026

Марфин В.

ПИИТЫ И ФАВОРИТЫ / В. Марфин — «Автор», 2026

Сборник шуточной поэзии для хорошего настроения. Литературные шутки, пародии, анекдоты. Многие из этих произведений были опубликованы в "Литературной газете" и других изданиях. Пушкин, Людовик XIV, Дон Жуан, Гомер, Сократ и другие исторические персонажи в забавных ситуациях.

© Марфин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	47

ПИИТЫ И ФАВОРИТЫ

Глава

**ВСЁ ЗДЕСЬ ВОЛЬНО И ПРИКОЛЬНО,
А ПОРОЮ И ФРИВОЛЬНО, ТАК, ЧТО ХОТЬ ЗА ПУП ДЕРЖИСЬ...
НО ВЕДЬ ЭТО НАША ЖИЗНЬ.**

В слиянии с классикой

Когда нас хамски бьют по роже
и нагло лезут в наш карман,
«тьмы низких истин нам дороже
нас возвышающий обман». (х)

(х) А.С. Пушкин

Пииты и фавориты

Пиита В.К. Тредиаковский,
весьма среди коллег знаменит,
бывал не однажды чертовски
за вирши вельможами бит.

А сколько другого народа –
Костров, Сумароков, Барков, -
от идолов разного рода
изведали всласть тумачков.

Ну, взять хоть Потёмкина Гришку.
Хандрит он и горькую пьёт.
И вдруг: «Предъявить пиИтишку!»-
надменно и властно орёт.

И тут же кареты, кареты,
и в каждой карете гонец...
И вот бедолагу поэта
галопом везут во дворец.

Григорий босой и в халате,
перстнями на пальцах звеня,
велит: «Позабавь нас, приятель!
Да только смотри у меня...»

И сразу вина наливает,
кладёт балыка и икры.
И скорбно поэт потребляет
светлейшие эти дары.

Потрафить тирану не жалко,
да больно уж грозен сей тать...
И, горестно помня о палке,
поэт начинает читать.
И так он пыхтел и старался,
и так из себя выходил,
почти соловьём разливался,
но всё-таки не угодил...

...А утром, надравшись с излишком,
презрев батоги и тюрьму,
кляня окаянного Гришку.
он снова вернулся к нему.

Они обнимались и пели,
круша за бокалом бокал...
И снова Потёмкин метелил
пииту за то, что нахал...

Вот так от властей предержавших
наш брат получал ни за что.
А нынче-то разве послаще,
а нынче-то разве не то?

Ни вин, ни икры, ни бумаги, -
засилье забот и невзгод.
Зато у нас новые флаги
и тысячи разных свобод.

Дозволено всё и законно –
брани фаворитов, хули!
Да только у них миллионы,
у нас же в итоге – нули.

Потёмки, сплошные потёмки...
Плывём без ветрил и кормил.
Скотина был Гришка Потёмкин.
но он хоть поэтов кормил!

ОБЫЧНОСТИ АНТИЧНОСТИ

1.

Шуточка Гомера

В Афинах траур. Видят боги,
сойдись у Зевса на пиру,
что греки в скорби и тревоге
со всех Афин куда-то прут.

-Что там у них? - спросила Гера,
оправив свой воздушный флер.
-Они, мадам, бегут к Гомеру!
Гомер сказал, что он помер!

-Гомер помер? А мы не знали!
Без нас идёт земная жись!
А кто виновен в сем скандале?
Эй, Зевс, пьянчужка! Пробудись!
Гомер помер! Ты слышишь это?

-Гомер помер? Всерьёз? Ай-яй!
Есть повод выпить за поэта...
Ну, Аполлоша, наливай!..

Эллада истово внимала
раскатам с занебесных сфер.
С высот Олимпа долетало:
-Гомер помер!.. Гомер помер!..

Затем всё стихло. Смолкли боги.
Печаль измучила богов.
И были белые их тоги
белее белых облаков.

А сам Гомер, живой и здоровый,
в кругу друзей, оравших: - Браво!
на мягком ложе возлежал,
пил критское из чаши славы
и ликовал:
- Ну как я, право,
Зевеску с Геркой напужал!..

2.

О Боги, Боги....

Вот раньше Боги были – компашка, ещё та. Куражились, кутили, богинь и нимф любили,
проказили, чудили, не жизнь, а красота.

И дамочки с Олимпа, бессмертны, неземны, аки простые нимфы, крутили романы,
сплошные шуры-муры со смертными людьми, подначены Амуром и Вакхом, чёрт возьми.

И были все при деле.

ПАН панычу – леса.

АИДу – подземелья.

ЗЕВЕСУ – небеса.

Как в министерствах неких – за всё в ответе ты. И фанатели греки от этой милоты.

Но Время интересно меняло интерес.

Какие там Гермесы, Аресы, Геры, Зевс, какие, блин, Персеи, Гераклы, Одиссеи, Медузы-змеевласки, отродия химер, сатиры, Пенелопы, бык, стыривший Европу...

Все эти бредни- сказки повтучивал Гомер.

Как инвалид по зрению, но в некоем прозреньи, не видя бела света, мечтами одержим, придумывал сюжеты про то, про сё, про это, как Андерсен какой-то, Перро, и братья Гримм.

И так ли это было?

Что было, то и сплыло.

Прошли тысячелетия в созвездьях разных эр. И, может, были нимфы, горгоны, и олимпы, как и у нас, когда-то ведь был СССР.

А что теперь в итоге?

Остались всё же Боги. Но бессердечны, строги, надсмотрщики для масс.

Взывают к ним народы о мире, о свободе. Но там свои заботы. И всем им не до нас.

И мне, скажу, к примеру, вновь хочется к Гомеру. К Тесею, Минотавру, Харитам в их саду... И я бы в полной мере таких наплёл химер бы, но из меня Гомер, как пингвин из какаду.

3.

Х а р и т ы

Неповторимы чары Афродиты, её неоспоримые черты. Но три Хариты! Ох, уж те Хариты - соперницы богини Красоты.

Подружки муз, сатиров, Аполлона, проказницы, зачинщицы интриг, они свой древний мир, во время оно, не раз сбивали просто с панталык.

А уж на их возвышенном Олимпе, как говорится, в силу естества, к ним постоянно беспардонно липли беспутные мужские божества.

Гефест с неукротимым Посейдоном, Аид, Гермес, разгульный и шальной, и Арес, до зубов вооружённый, везде готовый учинить разбой.

А Бог богов, водила всех бессмертных, чья плоть для дев была, как благодать, при виде дивных озорниц, инертно не мог бесстрастным быть и не желать.

За что, зверея, как Мегера, Гера, ревнивая уже не по годам (хотя, пардон, гнуснейшая Мегера была вообще другая гранд-мадам), но грозная супружница Зевеса, дрожа от гнева и обидных слёз, узрев, как тот, распутник и повеса, роняя слюнки и урча, как пёс, в венце лавровом и в пурпурной тоге, блудливо вьётся около Харит, брала его за тогу, и в итоге он звёздной скалкой был нещадно бит.

Ну а Хариты горестей не знали, в безоблачных витая небесах, и на земле частенько навещали земных существ в их нивах и лесах.

С русалками и разудалым Паном водили хороводы у костров, и надирались с Вакхом, вечно пьяным, до чёртиков и так, что будь здоров.

Поэтому, забрать у Афродиты свой спорный плод подумывал Парис, дабы отдать его своим Харитам, богинькам с дарованиями актрис.

Беспечным, восхитительным, игривым, не знавшим ни запретов, ни оков, и, может, самым подлинно счастливым на их Олимпе, в мифах их веков.

4. Об Эхиле

Античный драматург Эхил
был тоже в творчестве не хил.
Но он богов боялся
и с ними не бодался.

5.

Терзания Сократа

1.

Частенько изменял Сократ супружнице своей
и получал за то стократ от внуков и детей.
А так как лбом он был широк
(а били детки в лоб!),
то, изживая свой порок, он с горя занемог.

Мораль: да будь ты хоть Сократ, мудрец, гуляка, сноб,
греши с умом, скрывайся, брат,
не то получишь в лоб!

2.

Три дня голосила Ксантиппа, Сократа стыдя и хуля:
-Такого ленивого типа ещё не рожала земля!
А ну, паразит, поднимайся! Не то... Зевс тебя упаси...
Сходи, потрудись, постарайся, хоть драхму домой принеси!..

Жене, не мешая скандалить, мудрец на циновке лежал
в хитоне и драных сандалях и спелую смокву вкушал.
И думал:
«О боги, бандиты! Пошто, за какую вину
веленьем какой Афродиты всучили мне эту жену?
Сограждане ждут моей смерти, но мне не претит бытие
И если умру я, поверьте, так только лишь из-за неё!..»

Как раб безответный, галерный, Сократ обречённо вздохнул
и в чашу с хмелящим фалерно смердящей цикуты плеснул.

Вот так искупали в Элладе свои и чужие грехи.

И подвига этого ради
написаны эти стихи.

6.

А п у л е й

«читал охотно Апулея, а Цицерона не читал...»

А.С. Пушкин

О этот бесподобный Апулей, изысканный повеса и проказник, фалободрящей повестью своей живой душе устраивавший праздник.

Не зря же Царскосельский лицеист, скитавшийся в садах во время оно, читал тебя, смакуя каждый лист, на время, позабросив Цицерона.

А скольких милых дев в смущенье ввёл и в грешные пленительные грёзы твой сладострастный Золотой осёл, прославивший твои «Метаморфозы».

И я, на днях, тебя перечитав, свидетельствую яро и резонно, что Александр Сергеевич был прав, и Апулей желанней Цицерона.

О, нет, любимец тех далёких лет, кумир ристалищ, чтимый повсеместно, он жив, и до сих пор сравнения нет с ним нынешних говорунов известных.

Но Апулей, Петроний, Татий, Лонг – эротосом творцов неповторимых, - они для нас всё так же, видит Бог, предельно современны и любимы.

От их «идиллий» закипает кровь, взрывая плоть, раскатывая грозы, и вызывают чресла, страсть, любовь та-а-кие иногда метаморфозы,

что близкий друг мой нынешним числом вдруг возопил запально и повинно, что стать желает Золотым ослом для игр своей дражайшей половины.

Поскольку завсегда хотелось ей любовных приключений суперкласса. И вот чего ты скажешь, Апулей, за эти чумовые выкрутасы?

7.

К вопросу о первичности

Достопочтенный Геродот,
знаток случайностей античных,
их всех собрал в единый свод
и стал историком первичным.

Плутарх, Светоний, Тацит, Плавт –
вся греко- римская когорта,
весь исторический «конклав» -
лишь эпигоны Геродота.

Мы их не перестанем чтить,

они в деяньях преуспели.
Но как же важно первым быть
в любом первооткрытом деле!

8.

Дидактическое

Пример неблагодарности – Сенека.
(Фавор владык изменчивей всего!)
Растил он из Нерона ЧЕЛОВЕКА,
а вырастил убийцу своего.

Распутнейшему царственному гаду
был воспитатель, как отец и мать.
И получил достойную награду –
за все свои заслуги смерть принять.

Как милостив был светозарный цезарь!
Урок добра Учителя учёл.
Он мог бы заковать его в железа,
скормить гепардам, посадить на кол,
сжечь на костре, отправить на галеры,
на Форуме засечь, в конце концов...

Но в памяти храня добра примеры
и пожелавши сохранить лицо
в глазах Сената и тупого плебса
(пришив попутно и родную мать!),
решил, что нетактично, неуместно
смерть гения кому-то доверять.

Ещё немало будет злодеяний:
и литься кровь, и древний Рим гореть,
но стоик и философ Луций Анней
сам по себе *о б я з а н умереть*.

И вскоре, получив приказ мгновенный,
мудрец с супругой, сдерживая крик,
обнявшись, *с а м о л и ч н о* вскрыли вены,
как повелел державный ученик.

Однако и Нерон прожил недолго.
Когда народ восстал на эту мразь,
он в ужасе проткнул булатом горло
и, захлебнувшись кровью, рухнул в грязь.

О, дикий мир! О, времена, о, нравы!
Летят века, и каждый лют и лих.
Все деспоты коварны и кровавы,

не ждите благодарности от них.

Но, сбросив злого вурдалака с трона,
не вздумайте на лаврах почивать.
Быть может, где-то нового Нерона
уже качает в колыбельке мать.

9.

Sic transit gloria mundi (х)

Что знаем мы об А.Ф. Македонском?
Что был он лучший тактик и стратег,
и со своим неотвратимым войском
всегда свершал куда-нибудь набег.

К тому же, был тот Саша и философ,
и всенародно признанный кумир.
А самым главным из его вопросов
был: как завоевать себе весь мир?

От этих мыслей, день и ночь в угаре, –
он распался воинственный свой дар.
И обнаглевший царь персидский Дарий,
не веря в дар тот, получил удар.

Легло полмира к властному подножью,
всех непокорных ожидала сечь.
Но тут вмешалась в дело Руця Божья,
и опустился занесённый меч.

Ведь смерть плюёт на славу и величье –
что царь, что раб, - всему один привет.
И лучезарный Александр Филиппыч
почил нежданно в полном цвете лет.

Прожив всего лишь тридцать и три года,
по воле рока обратился в прах.
Но его имя в памяти народов,
пройдя века, осталось в веках.

Когда ж купив в ларьке пузырь «Московской»,
я вечером к соседу забежал,
потолковать об Саше Македонском,
сосед, подлюга, речь не поддержал.

Нажравшись водки, он в сердцах шарахнул ,
не оценив порыва моего:
-Хто? Македонский? Да пошёл он на хрен!
Ну, был и бил. А нам-то шо с того?

(х) Так проходит земная слава. (лат.)

ГЕНИИ и ТЕРНИИ

1.

Моцарт и Сальери

Насыпав другу Амадею отравы в налитый бокал,
собой стоически владея, Сальери Моцарту сказал:
- Ты, Вольфганг, несомненно, гений. и это мир признал давно.
Но лучше всех твоих творений
сие прекрасное вино.
Так выпьем же, себе на радость!..

Но отказался Амадей.

-Не по душе мне эта гадость. А ты, коль хочешь, сам и пей.
Я раскусил тебя мгновенно. ведь ты мне, жадный гамадрил,
заместо старого рейнвейна
опять... шампанского налил!..

2.

Сад и зад

Безудержный злодей маркиз де Сад,
устав от смакованья преступлений,
с приятелем бароном вышел в сад,
вручив ему плоды своих творений.

Барон, глазами пробежавши лист,
где воспевались пыточные муки,
залепетал: - Маркиз, да вы ж садист!
и мы для вас, что караси для щуки!..

-Вы угадали, мой любезный друг! -
сказал де Сад. И с яростью гурона
вонзил кинжал изогнутый, как лук,
в нежнейшее седалище барона.

-Ну-с, каково? - безумствовал садист. -
Ка-а-кой барАн мне на вертел попался!..

-А мне плевать! Ведь я же мазохист!-
вскричал барон, и звонко рассмеялся.

3.

Гуд и гуд

Лорд Гленн, попавши Робин Гуду в сети,
воззвал в испуге: - Как живёте, Гуд?
На что разбойник, радостен и светел,
как джентльмен джентльмену ответил:
- Гуд!..

Затем, презрев манеры джентльмена,
ограбил Гленна дерзкий краснобай.
И, приложившись Гленну в зад коленом,
добавил на прощание:
- Гуд бай!..

4.

Скотт и скот

Однажды славный Вальтер Скотт,
в зверинце увидав верблюда,
воскликнул раздражённо:
-Во-о-от
ещё одно Господне «чудо»!

На что верблюд, скрививши рот,
ответил, помолчав немного:
-Вы правы, сэр!
Что Скотт, что скот...
Какая разница, ей богу?

- Ну, нет! -
достойный Скотт сказал,
зверюгу по горбу похлопав. -
Когда бы я сюда попал,
глазеть сбежалась б вся Европа!..

5.

Страдания молодого Вертера (подражание Гёте)

В пивоварне у Вилли немцы пели и пили,
ели бигус и кнели, потели, смердели.
Истрадавшийся Вертер, позабывши о Грете,
возопил: - Доннер веттер!
Жить прекрасно на свете!..

Ну а Грета от горя пребывала в соборе,

где лихой исповедник ей залез под передник...

Всё у них совершилось как надо.
Девушка вскорости разрешилась
непредвиденным Фрицем. А поскольку попа не притянешь к ответу,
указала на Вертера гнусная Грета.

Как уж Вертер бузил, как орал и брыкался,
но, оставшись без сил, повинился и сдался.

И, прослышав о сём, утвердилось германство:
и что Вертер – козёл,
и что пагубно пьянство.

6.

Открытие Ньютона

Сидел Ньютон в саду соседки, сливаясь с ней в благих мечтах.
Вдруг яблоко, сорвавшись с ветки, его по кумполу – ша-а-рах!

Взревел Исаак: «Да что ж такое?- сжимая грешный плод в руке. -
Витаю в грёзах и покое и вдруг бандитски – по башке!
Чем объяснить сие явление, внезапное, как свет во мгле,
неужто просто притяженьем всего предметного к земле?
И я, как некий из предметов, подставившийся в сей момент,
в чужом саду в разгаре лета осознаю эксперимент?»

РЕЗЮМЕ:

Без напряженья и мученья открылся миру просто так
ЗАКОН ЗЕМНОГО ПРИТЯЖЕНИЯ.
И знаменитым стал Исаак.

Когда ж безвинно или в драке ты будешь кем-то п р и з е м л ё н,
во гневе вспомни об Исааке,
ведь он нам втюхал тот **ЗАКОН.**

7.

Гений и злодейство

Поэт великий А.С. Пушкин,
гуляя как-то по опушке,
узрел Булгарина.
Фаддей
куда-то вёл двоих... людей.

Мамзели щебетали мило:
-Ма шер, куда нас занесло?

И сладострастием светилось
Фаддея мрачное чело.

— Вот это да! - воскликнул Пушкин. -
Ужель и этот янычар,
зоил, чернильная кадушка,
не чужд прелестных женских чар?..

Не знал поэт, что враг всегдашний
лишь для того забрался в лес,
чтоб прочесть дурёхам пашквиль
на злого Пушкина А.С.

8.

Урок Крылова

«Румяный критик и насмешник толстопузый», (х)
готовый век трунить над чьей-то музой,
пристал к Крылову. И ужасно рад
заголосил про явный плагиат.

Мол, данный баснописец современно
п е р е л о ж и в Эзопа с Лафонтеном,
ограбил славных сих и (вот жульё!)
добро чужое выдал за своё!

Крылов был толст, ленив и добродушен.
Он заявил охальнику: - Послушай,
как перед Богом... и чтоб мне так жить...
В свидетелях все русские поэты,
что буду чистить я твои штиблеты,
коль ты сумеешь *т а к* переложить!
Но ты не сможешь, шут, паяц, фиглярин,
поскольку ты бездушен и бездарен,
и процветаешь, лишь других виня.
А потому, лекарством от злости,
отведай, куманёк, вот этой трости!..
Теперь беги... и поминай меня!..

(х) А.С. Пушкин.

9.

Кулинарное

Николай Васильич Гоголь
скушал утром гоголь-моголь,
съел галушек казанок...
И немного занемог.

Гоголь охает, страдает.
А издатель донимает:
-Хватит хныкать, Николай!
Ты мне ваньку не валяй!

«Ах, ты ж гад!- подумал Гоголь. -
Лучше бы ты меня не трогал.
Я назло тебе, врагу,
свой последний труд сожгу!...»

Совершилось злое дело.
Вскоре рукопись сгорела.
Так лишил нас славный муж
продолженья «Мёртвых душ».

Р е з ю м е:

Я к чему веду, читатель?
Если переел писатель
иль надрался через край,
ты его уж не замай.

А иначе, чёрт те знает,
что он там навыворачивает.
Ну, захочет, например,
взять с Н. Гоголя пример.

Бокон вышли нам галушки –
трудоёмкая еда!
Слава Богу, что А. Пушкин
не любил их никогда.

10.

Х л е с т а к о в

Не изменив своей привычки
творить ночами в неглиже
пишу тебе, душа Тряпичкин,
о нашем общем протеже,

точней, о том, кто столь успешно
посредством нравственных сатир,
придумав нас с тобою, грешных,
распял весь наш чиновный мир.

Теперь он всюду возвеличен
в разряд бессмертных возведён.

И мы с тобой, дружок Тряпичкин,
бессмертны, так же, как и он.

А в подтверждение мысли смелой,
не далее, как в тот четверг,
вдруг залетела оголтело
моя душа (а с ней и тело!)
в далёкий XXI-й век!

Кому за то спасибо? Богу ль?
Иль бесам (разрази их гром!)?
Но Николай Васильич Гоголь
здесь точно тронулся б умом.

Да я и сам в сем странном веке,
среди людей хожу, гляжу
на жизнь их, как баран в аптеке.
и просто слов не нахожу.

Сплошь безлошадные кареты
(вишь, до чего дошёл прогресс!):
метро, троллейбусы, ракеты,
и телевиденье... ну это
вообще за гранью всех чудес!

Но главное, мой друг Тряпичкин,
что даже в этот райский век
не изменил своих привычек
лихой чиновный человек.

И среди всех деяний новых,
ты лишь подумай, как смешно,
что Тяпкин-Ляпкиных, Ноздрёвых,
и Держиморд, и Кочкарёвых,
и Чичиковых тут полно.

ХапАют все, кто в чём-то властен,
и снисхожденья не проси!
За всё плати! С такой напастью,
видать, не сладить на Руси.

Здесь, брат ты мой, такие таксы,
что даже я от них дрожу.
Как мелочь – миллионы «баксов»!
О «баксах» после расскажу.

И обревизовав умело
всё, что сумел узреть, подряд,
я понял, что у сих ребят

важнее всех деяний – ДЕЛО,
иль б и з н е с. как здесь говорят.

Тут всяк, сидящий в «нужном» кресле,
порою тля, мизгирь, червец,
вальяжно ездит в «мерседесе»,
иль в «вольво», на худой конец.
А уж иной градоначальник,
иль губернатор, видит Бог,
аки медведь, попавший в пчельник...

Но хватит, на носу сочельник.
Мне возвращаться вышел срок...

...И вот я снова в веке нашем.
Мой Осип... Бричка у крыльца...
Мамаша хилой ручкой машут,
в путь, провожая молодца.

И я, душа моя Тряпичкин,
на той же пароконной бричке
спешу умчаться в город тот,
где проходимец – городничий
(а их у нас полно, как дичи!)
со всей своей лихой опричной
трусливо ревизора ждёт.

Они примчат ко мне толпою,
даруя пищу и ночлег.
И я им, стервецам. устрою
свой личный ХХI-й век!

Уже не жалкий нищий щёголь,
а дерзкий «рэкетир» - звезда! -
какого, даже в мыслях, Гоголь
не мог представить никогда.

Распотрошу и разутешу,
и так-то душеньку потешу!
Но, дабы не спознали вдруг,
что снова *дур*ят их, сердешных,
с набитою мошной поспешно
рвану к себе – в Санкт – Петербург.
Готовый (вроде печенег)
к очередным своим набегам.
На век мой хватит дураков!
Адью, мон шер!
Твой Хлестаков.

11.

Параллели

К Панаеву зашедши в гости,
так, между прочим, с кондачка,
Некрасов в *ы и г р а л* Авдотью,
то ль в «дурачка», то ль бросив «кости»,
у разлюбезного дружка.

Авдотья вроде взбунтовалась:
-Панаев, сволочь! Как ты мог?
Но после, поразмыслив малость,
ушла к Некрасову в чертог.

Некрасов, сибарит, помещик,
Авдотью холил, миловал.
И вдохновенно РУССКИХ ЖЕНЩИН
в своих поэмах воспевал.

А бывший муж, глотнувши водки,
дабы обиду побороть,
в объятиях другой красотки
хотел, но не утешил плоть.

Тоска и боль его снедали,
как обострившийся недуг,
тем более, что о скандале
судачил весь Санкт – Петербург...

Так жили «звёзды» той эпохи –
столпы, гиганты, имена!
Не то, что нынешние жохи,
мелкозернистая шпана.

Там если встряска, так уж встряска,
а если страсть, то через край...
А здесь тусовочная вязка,
кошачий визг, собачий лай...

Жирует жалкая «богема»,
борзееет наглая попса.
Всё позволительно, всё в «тему».
и нет ни края, ни конца.

Об их доходах и разводах
скулят завистливые СМИ,
как будто нету у народа
иных пристрастий, чёрт возьми!

И содрогнётся ли Россия,
и возмутятся ль, стар и млад,
когда очередной гей - символ
всем вновь покажет голый зад?

12.

Обличитель

Недолго собирался Щедрин-Салтыков
на благо крещеного мира
чиновное племя – ползучих врагов
язвить беспощадной сатирой.

Схватившись с той гидрой один на один,
сам чуждый вселенским порокам,
он был, Салтыков (через дефис) Щедрин, подобен библейским пророкам.

Когда доходили в его города о кознях чиновничьих вести, то мнилось, что даже его борода
пылала священной мезью.

За то, что к позорным столбам пригвождал всю свору хапущих, крадущих, народ просве-
щённый его обожал, Некрасов его в «Современнике» ждал, и, словно Христа, сладострастно
б распял бесчисленный клан власть имущих.

И всё ж, надорвавшись в неравной борьбе, на радость чиновным подонкам, оставил вели-
кий старик о себе бессмертную память потомкам.

Сегодня Сатира довольно слаба – плевать на неё сильным мира. Стоят не они у срамного
столба, а бедная наша Сатира.

Ведь нет у неё в о з д а я н и й иных
за подлость и гнусь кроме СЛОВА. И так не хватает нам всем Щедриных - М. Е. Щед-
риных – Салтыковых.

13.

Муки творчества

Слуга Флобера, безупречный малый,
с утра зашёл к патрону в кабинет,
чтоб уточнить привычно, как, бывало,
чего месье изволят на обед?

Флобер стонал в агонии и шоке:
-Я умираю... Я – Эмма Бовари!..
Но, чёрт возьми, форель и артишоки,
не поленись, и лучше отвари!..

14.

Смена вех

Донесли месье Доде, что ужасной быть беде,
если он вернётся в Тараскон.
Потому что Тараскон был ужасно уязвлён
тем, что сочинил сей мэтр о нём.

А почтенный Тартарен, патриот, рантье, и чл
охотобщества вещал везде,
что едва месье Альфонс сунет в Тараскон свой нос,
Тартарен свернёт его Доде.

И разумнейший Доде, понимая, что везде
в Тарасконе нежеланен он,
съездив на воды в Виши, посетив Руан, Клиши,
не почтил визитом Тараскон.

Зря ярился Тартарен, гражданин, мечтатель, член
всевозможных обществ и кружков.
Уберёг месье Альфонс репутацию и нос
от грозящих склок и кулаков.

Пролетело много лет, изменился белый свет.
И теперь повсюду и везде
тарасконцы, без балды благодарны и горды
тем, что их прославил *с а м* Доде.

15.

Про бордо и Виардо

Иван Сергеевич Тургенев, любитель женщин и бордо,
по всем параметрам был гений, но неудачник с Виардо.
Поскольку данная мадам была из тех, что «вам не дам»!
И не позволила, злодейка, России славному певцу
галантно взять её за шлейку и чинно подвести к венцу.

Иван Сергеич в тупике. рука мадам в чужой руке!..

Когда же новые Иваны, мечтающие выйти в Жаны,
орут в экстазе про Париж, где все мадамы и мамзели их страстно ждут в своих постелях.
мне хочется скроить им шиш.

Уж коль Тургенев был отсеян, то нам-то, граждане Рассеи,
на кой хрен ихний Нотр-Дам, блеск Монпарнаса и Монмартра,
когда ни бабок нет, ни фарта, и ни мамзелей, ни мадам.

Мадамам хочется наживы! Нам - не до жиру, быть бы живу!
Крутись, вертись, и так, и сяк - а всё равно сплошной голяк.

Иван Сергеич был богатый, в любовных ревностях витал.
Но жил бы с нами на зарплате, о Виарде бы не мечтал.
Какая к чёрту Виарда, когда в мечтах одна еда!

Засядем же в своих рязанях, тмутараканях и казанях,
родным бабцам, коих не счесть, всемерно воздавая честь,
надеясь, что и мы, ребята, когда-то заживём богато.
И уж тогда-то Монпарнас сполна познает «русский класс».

Ну а пока пусть там шныряет гадьё, что нас не уважает:
(пардон и хау ду ю ду!)
на биржах, в казинох играет, в карманах евров не считает
и (пока нет нас!)
завлекает за них любую виарду.

16.

По методу Бальзака

Месье Оноре де Бальзак писал свои романы так, -
он был большой затейник,
и перед тем, как сесть писать, велел воды себе подать
и с кофею кофейник.

Под стол он ставил всякий раз воды холодной полный таз,
совал в ту «прорубь» ноги, а после кофий наливал,
благоговейно попивал и подводил итоги
всего, что создал за года неутомимого труда,
на что потратил нервы,
и снова сжав в руке стило, болтал ногами под столом
и выдавал шедевры.

И я, подобно Оноре, в мечтах о славе и добре,
и с кофе, и с водою,
решил стоически творить,
но обернулась эта прыть неожиданною бедою.

Три литра кофе каждый день и леденящая «купель»
свели творца в больницу.
Гипертония и запор, бронхит... Короче, с этих пор мне больше не творится.

И я взываю к вам, друзья, мечтающие, как и я,
о славе и наградах,
не стоит искушать судьбу, не то окажетесь в гробу.
А это всем нам надо?

17.

О Золя без тру- ля-ля

Месье Золя (ну прямо театр!) рванул однажды под фиакр в порыве творческого, так сказать, горенья. Чтоб самолично испытать и скрупулёзно описать всю боль и раны своего телопаденья.

Месье Золя, большой чудак, творил иначе, чем Бальзак, и чем Гюго, и чем Дюмы – папаша с сыном. И даже чудного Доде, и Мопассана, и т.д. он порицал за их фривольные картины.

А уж какой-то там Жюль Верн, или Верхарн, или Верлен, или мадам, что беспардонно стала «Жоржем», так доставали Эмиля, своими опусами зля, что он порой готов был выпрыгнуть из кожи.

Да, своенравен был старик. И в то же время он велик, и в первой сотне всех Богов Литературы. А наше время если взять, то вряд ли можно отыскать Творца такой же вот фактуры и натуры.

18.

Кульбит Толстого

Лев Николаевич Толстой был долго парень холостой,
хотя до девок был охоч и не гнушался
любой смазливенькой мадам,
особенно из тех, что «дам!»
Но, нагулявшись, Софье Берс на милость сдался.

А через много лет и дней он, разочаровавшись в ней,
в той, с кем на пару наплодил детей довольно,
исполнив выношенный план,
покинул свой семейный клан
вполне осмысленно и, в общем, добровольно.

Я не зову лезть на рожон тех, кто устал от милых жён,
и не советую бросать детей, тем боле.
Но всё же наш великий граф во многом оказался прав,
всем доказав, что воля лучше, чем неволя.

И я даю себе обет, доживши до толстовских лет,
презрев в сердцах болячки, годы и невзгоды,
как резвый конь, выиграть, взбрыкнуть,
и, выбрав время, как – нибудь,
хоть на денёк, хоть на часок
добыть свободу.

19.

Ухо Ван Гога

Ах, даже и мечтать не мог Ван Гог,
что после смерти станет он, как бог.

Винсент Ван Гог, тот нищий и голодный,
оплётанный и высмеянный, он
объявится вдруг мэтром супермодным,
чей каждый холст идёт за миллион.

И все его причуды и капризы,
провалы и прозрения его
представятся, как некие эскизы
к «Автопортрету». Только и всего.

Забудутся и сумеречность духа,
и ад запоев, и позор сумы...
И только лишь отрезанное ухо
всё так же будет поражать умы.

20.

Откровение По

У мистера Эдгара По
спросила некая малютка:
-Ах, мистер По, скажите по-
чему вы пишете так жутко?

-Малютка! - снял цилиндр По,
и поклонился, бодр и строен. -
Пишу я столь ужасно по-
тому, что, видно, так устроен.

К тому ж, - смеясь добавил По, -
открою все свои секреты.
Я вынужден пугать вас по-
тому, что платят мне за это!

21.

Скорбное

Великий романист Дюма создал бессмертные тома
весьма забавных приключений.
Полным полно в романах тех любви, и схваток, и утех,
и всяких прочих развлечений.

Ну, взять хотя бы сериал: Миледи, Анна, кардинал,
де Бражелон, три мушкетера, и с ними верный Д 'Артаньян,
что вечно храбр и вечно пьян,
с душой и внешностью актёра.

Хвала достойному Дюма! Он прожил жизнь не задарма.
Его наследье драгоценно.

Хотел купить его роман, но, ах, не выдержал карман.
Ведь как сказал бы Д'Артаньян:
«Чёрт побери, какие цены!»

А было время, вспомни, друг, когда за тридцать рэ на круг
(простите, граждане, я плачу!)
ты мог приобрести, эх, ма!- «макулатурные» тома
Гюго, Доде, Золя, Дюма,
и... Бабаевского в придачу.

22.

ДЮМАНИАДА

*

Народная мудрость

Жили мы
и без Дюмы!

*

В книжной лавке

Бой в Крыму, всё в дыму –
люди гибнут за Дюму.
Даже те, что ни бе-ме,
помешались на Дюме.

*

Признание

От тюрьмы и от сумы
не откажемся и мы.
Лишь бы было в той суме
по солидному Дюме.

*

Маня Ване

Дорогой милёнок мой,
приходи ко мне с Дюмой.
Коль добудешь мне Дюму,
накормлю и обойму!

*

Кумовское

Говорит кума куме:
- Шо ты знаешь о Дюме?

-Ничего, кума, не знаю,

но давно держу в уме.
Ну а ты сама, кума,
шо прознала про Дюма?

-Тоже ничего не знаю,
но, як ты, схожу с ума!

*

Семейное

-Где шатался, милый мой?
-В магазине... за Дюмой!..
-А что рожь вся в пома...
это тоже от Дюма?

*

Жалоба подследственного

Прихожу надясь домой,
а жена лежит с... Дюмой!
И за энтого Дюму
мне теперь иттить в тюрьму?

*

Мечта зека

Нам бы в каждую тюрьму
можно даже не Дюму,
а по Фариа аббата,
персонального на брата!

*

Книгочейное

Прочитал всего Дюму.
Ну и где же здесь «Муму»?

23.

Шоу и шоу

Однажды у Бернарда Шоу
спросили, что такое ш о у?
И как оно сопряжено
с его фамилией и славой?

На что старик ответил:
-Право,
про это знать мне не дано.
Хотя в любом приличном шоу

должно быть что-то и от Шоу.
И я бы посчитал за честь,
когда б по счёту по большому
мне доказали, что и в Шоу
от лучших шоу что-то есть!

24.

К вопросу о сюжете

Майн Рид сидел и думал: «Чего бы предпринять,
чтоб поразить безумно читательскую рать?
Полно сюжетов разных – бери, пиши, спеши!..
Но все они не праздник для творческой души...»

И вдруг Майн Рид заметил, бродя в своём саду,-
ведёт охотник местный онагра в поводу.
А на седле потёртом качается, увы! -
бессильно распростёртый архар без головы.

«Ура! - Майн Рид воспрянул: -Поправлю свой бюджет!
Конечно, жаль барана, зато какой сюжет!
Бегу к перу я снова. Трясись, читатель, ах!
Мой «Всадник безголовый» прославится в веках!..»

Сбылась мечта Майн Рида. И вот живой пример:
он нам та-а-а-кое выдал, что до сих пор шедевр.
Волнующий, фатальный, с сокрытой страшной тайной,
разросшийся ментально до мировой молвы.

А повод изначальный был попросту печальный –
увиденный случайно архар без головы.

25.

К вопросу о заимствовании

Знают все, что Шварц Евгений
в сочинительстве был гений,
что стократ подтверждено
и в театре, и в кино.

Только злые язычищи
(язычищам дай лишь пищу)
наплели, как о враге,
что Е. Шварц совсем не ге-
ний, а лишь интерпретатор,
а точнее, плагиатор,
ибо всё, что он создал,

у других творцов содрал!

В общем, был создатель «Тени»
неизменной чьей-то тенью,
на Сервантесе, Перро
заточив своё перо.

Господа! Но вы ведь в попе!
Вы забыли об Эзопе,
у кого мсье Лафонтен
ловко стырил столько тем.

А у бойкого француза,
безо всякого конфуза
и стыдливых лишних слов,
их заимствовал Крылов.

Но зато какие басни!
В мире не было прекрасней.
Отвечай, лихой собрат,
это тоже плагиат?

**Жизнь – свободное течение –
взаимопроникновение
и сюжетов, и идей
во всеобщий мир людей.**

Даже наш бессмертный гений
и кумир всех поколений,
взяв чужую песнь иль сказ,
улучшал их в сотни раз.

Вот и ты сюжет банальный
переделай в гениальный
и, взамен худой хулы,
почивай в лучах хвалы.

Так что, граждане, творите
и бестрепетно тащите
всё и вся из разных сфер.
Не тушуйтесь, битте дритте!
Вас поймут читатель, зритель...

А причём здесь Шварц, спросите.
Шварц был явлен, как пример.

26.

К вопросу о шерстистости

Жестокая мужская эпиляция
страшна, как без наркоза операция.

Один мой друг, снимающий кино
(его вы фильмы видели, поверьте!),
себе присвоил псевдоним - РУНО,
поскольку весь покрыт был тёмной шерстью.

Отринув прапрапредков обезьян
(к которым Дарвин нас причислил спьяну),
он проклинал телесный свой изъян,
роднящий человека с обезьяной.

Он мучился. Он стриг ту шерсть, и брил.
Но волосня не думала сдаваться.
И наконец, в отчаянье решил
сразиться с ней посредством эпиляции.

На торс свой обнажённый возложив
объёмистую липкую пластину,
бедняк, от ожидания чуть жив,
всё так же клял печальную судьбину.

И вот рывок!.. И вопль!.. И долгий вой –
как будто влили в рану спирту с перцем,
как будто вместе с шерстью родовой
страдалец вырвал собственное сердце!..

О братия и сестры во шерсти,
сочувствую вам в сей лихой напасти
и мысленно прошу меня простить
за то, что сам я не шерстистый.
К счастью!

27.

К вопросу о сотрудничестве

Жил акын Берды Бербаев, обличитель разных баев.
И хоть сам он был не бай, но известный краснобай.
Прославлял Берды Советы, славу Сталину кадил.
И «Отец родной» за это его щедро наградил.
Весь тогдашний Гюльдестан был певцу на откуп дан.
Все – от ЖЭКа до ЦеКа ублажали старика.

Стал Берды, как бай, богатым, акын - кызок обнимал.
Орден дарственный с халата как надел, так не снимал.
Но, не кичась громкой славой и по-прежнему простой,
приглашал гостей ораву аксакал к себе на той.

Гости ели плов горстями. Пили чай: - Берекелде!..
И следили за гостями «гости» из НКВДе.
И уж после угощения исчезал из обращения
снова кто-то из гостей – разных званий и мастей.

Но Берды о том не ведал, он покоем дорожил,
и назло врагам и бедам, почти до ста лет дожил.
Снял с себя наветы, вины, насладившись жизнью всласть.

Так что, граждане акыны,
ставки делайте на власть!

28.

ИЗ ЖИЗНИ И. КЛОЗЕТОВА

Моралистское

Иван Иванович Клозетов однажды сочинил стишок.
Он предложил его в газету – с редактором случился шок.

Тогда в отчаянье и горе Клозетов на весь мир восстал, -
на первом встреченном заборе свой стих надменно начертал.

Забор поставлен был навечно. Но, в столь неравной схватке сил,
упал, не выдержав, сердечный, и стихотворца придавил.

Мораль:

В любом подпитии и горе, в минуты счастья иль тоски,
ах, не пишите на заборе свои бесценные стишки.
Сожгите общие тетради, сломайте вешнее перо,
и помните, что в каждом граде
забор – народное добро.

Возмущение Клозетова

Ох, этот зловредный редактор,
законченный хлыщ и нахал!
Натужно и мощно, как трактор,
он рукопись всю пропахал.

Зверя над каждым листочком,
он так раскатал каждый стих,
что вживе остались лишь точки,
да две или три запятых!

Эпическое

Сидел Иван Клозетов в клозете как-то раз,
читал себе газету и вдруг услышал ГЛАС:
«Вставай, творец, скорее, довольно заседать.
Ты должен ЭПОПЕЮ из лирики создать!

-Какую ЭПОПЕЮ? - вскричал в тоске Иван. -
Я этим не владею, мне данный дар не дан!
Однажды к Первомаю я накропал стишок,
так до сих пор страдаю волнением кишок!..

Но ГЛАС неумолимый к отказам не привык.
-Бежи, пиши, родимый! Не то тебе – кирдык!

К столу, себя жалея, побрёл Иван, без сил.
И вскоре ЭПОПЕЮ в хоре сочинил.
В издательстве схватили ту рукопись, в тоске,
и долго ею били страдальца по башке.

С тех пор Иван Клозетов газеты не читал,
и гадский ГЛАС за это ему не докучал.
Забыл пиит печали. Спокойным стал вполне,
лишь иногда ночами орал и выл во сне.

Мерещилось в конфузе, что снова (будь здоров!)
его в сердцах мутузят
аж семь редакторов!

Сомнения Клозетова

Приняв надлежащую дозу, обычно в субботу, в обед,
любил мэтр Борух Спиноза плести паутины бесед.
Родные его почитали. И он к почитанью привык.
Но даже родные не знали про тайный спинозовый бзик.

Однажды, вернувшись с мороза, задался вопросом сей муж, с чего это вдруг он Спиноза,
а так же и Борух, к тому ж?

Пожалуй, коварней вопроса не смог бы придумать и Бог.
И бедный великий философ ответить на это не смог.

А вы, что меня, как поэта, гнобили, умны и правы,
найдёте ли сходу ответы, задавшись вопросом: кто вы?
Я долго ответить пытался на данный вопрос бытия.
Извёлся вконец, надорвался,
но так и не понял, кто я?

Осознание Клозетова

Ярко-красный коралл неземной красоты, возвратясь из круиза, вручила мне ты. Тяжеленный, когда-то цветущий при рифе на каком-то атолле, что у Тенерифе.

-Но зачем же мне данная окаменелость? - я спросил.

Ты ответила: - Мне захотелось, чтоб волшебный цветок, взросший на глубине, заставлял бы тебя вспоминать обо мне.

-Заставлял? Вспоминать? О тебе? Вот те на! Но насколько я помню, ты мне вроде жена, и с тобою я счастлив, и этому рад. Так на кой же нам «памятный» сей экспонат?

-А затем, чтоб ещё и напомнить, друг мил, что мне целую вечность цветов не дарил, и...

-Нет, нет, раз ты хочешь...

Вскочив, со всех ног я немедленно помчался в цветочный ларёк, где, отдав ползарплаты за веник из роз его тут же тебе, моя радость, принёс.

А затем, пережив непредвиденный шок, сочинил этот славящий женщин стишок, осознав, как права, драгоценная ты, и, как дорого стоят мне ты и цветы.

Предложение Клозетова

Высокое время Прогресса – чудес, и свершений, и споров...

Намедни у Влада невеста удрала на Лысую гору.

Взахлёб коньячка хватанула в раздрае и простоволосье, и тут же со свадьбы рванула на дареном ей пылесосе.

Влад с рёвом погнался, и с матом, с угрозой, и явной обидой, но выхлоп её агрегата согнал его с нужной орбиты.

И пал он, ударяясь пребольно, оря и коря бестолково того, кто сугубо дал волю всем гидрам, что пола другого.

Ведь что они взяли за моду, нажравшись каких-то там снадобь, при общих скоплениях народов уматывать в небо со свадеб.

Там «спутников» тыщи летают, и вдруг они с ними столкнутся, устроив побоищ летальных почище иных революций.

И в этой мирской катастрофе, безмерно грозящей Вселенной, виновной окажется Софья, иль Сьюзен, иль Жанна, иль Лена.

Солохи - то все по старинке, у каждой метла или веник. А этим подайте новинки, что стоят немислимых денег.

Форсят на своих механизмах, шныряя средь мётел безгласных, и в общей общественной жизни давно верховодят всевластно.

А мир пахнет серой и медью, а в мире всё больше вопросов. И требуют некие ведьмы ракет, чтоб взамен пылесосов.

И я повелел своей Клане, презрев её слёзы и вои: - Забудь о крутом «метлоплане», довольствуйся прежней метлою!

Сентенция Клозетова

Таясь от ближних, Он и Ты сливались в страстном исступлении. Ты – гений чистой красоты. Он – мимолётное виденье.

Как облачко, как нежный пух, он обволакивал, и таял, и испарился, словно дух.

И с животом тебя оставил.

«И где же он? А как же я? Ой, что со мной? Я умираю!»

В смятенье бьётся вся семья, на дочь несчастную взирая.
-Искать! Найти! Поймать! Женить! – решили истово и грозно.

Но, милые, умерьте прыть! Неужто это вы серьёзно?

Кого поймать? Ведь тот фантом – лишь дуновение, наваждение. А то, что лялька с животом, так это фактус, к сожаленью.

Свидетель всяческих страстей, я много раз вещал улётно: - Страшиться, девы, как чертей, любых видений мимолётных, поскольку всякий мимолёт предполагает и... залёт.

А ежели кто-то всё же попал...
Так я же вас предупреждал!

Прозрение Клозетова

Чтобы сочинить стишок,
испытать полезно шок.

Пусть, к примеру, поразит
вас редактор – паразит,
так, чтоб в з д р о г н у л а душа
и вы с ней, едва дыша.

И поверьте, тут как тут! -
рифмы сами к вам приду

Эпитафия редактору

Савоськин был губителем талантов.
Он, как борзая зайцев, нас травил.
Среди своих собратьев – дилетантов
он лютым профессионалом был.

Но побивают даже и атлантов,
едва атлант подставит камню лоб...
Объединившись, гордые таланты
гонителя вогнали в тесный гроб

Теперь лежит он здесь, лишённый жизни.
Но знатоки серьёзно говорят,
что даже из могилы может брызнуть
его посмертно выдержанный яд.

Экспромт Клозетова жене

Ментален и монументален, сию застывший, как колосс. А рядом, скромн и печален,
сидит наш пёс, повесив нос.

Чего мы ждём, о чём мы грезим, что заставляет нас грустить? Да то, что никакой поэзией
и прозой не отобразить.

Несокрушимо наше кредо. Мы ждём, когда ты снизойдёшь и. снисходительно к обеду
двух «троглодитов» позовёшь.

Прекрасный сон Клозетова

«...Едва я улёгся, право,
как дочь меня стала будить:
-К тебе тут явилась Слава!
Прогнать её или впустить?

Спросонья я не поверил, потом прохрипел с трудом:
-Скорей распахните двери и гостью введите в дом!

И вот она появилась, прекраснейшая из фей,
как высшая Божья милость в квартирке тесной моей.
Жене моей улыбнулась, шепнула дочке: - Мила!..
Хоть здесь ей не приглянулось, виду не подала.

За ней втащили два грума большой лавровый венок.
-Он ваш! - прозвенела Слава. - И все мы у ваших ног!

И тут толпа репортёров из всех известных газет
вломилаь в двери и в окна:
-Маэстро поэт, привет!

Они автографы брали, снимали меня с Мари,
и от венка отрывали, кто листик, кто два, кто три...

И Слава сказала: - Ладно! Я засиделась тут.
Прощайте, мой ненаглядный, меня и другие ждут!..

И вновь мы одни остались, безмолвно застыв в углу.
И веник – веночек валялся, ошипанный, на полу.
На пять уцелевших листочков смотрел я, от счастья туп.
И гордо промолвил дочке:
-Свари нам лавровый суп!..

Похлебка кипела. Браво! Веночек мой варился в ней.
И пахло всемирной славой в хрущёвской келье моей.

Теперь все редакторы сами захочут меня издавать.
Я буду лежать на диване и лишь гонорары считать
Куплю на Рублёвке дочке большой особняк. А жену
отправлю...надолго... в Сочи, и сам от неё отдохну.
Признает меня за граница. Я буду летать из Москвы
во все Монте-Карлы и Ниццы...»
Но тут сон прервался. Увы!

Жена, сжимая полено, едва мне не ткнула им в нос.
-Проспался, мечтатель хренов?
Тогда бери пылесос!..»

Чудесятина

...И как только захотели мы поверить в чудеса, так тотчас же и взлетели, полетели в небеса. Понеслись жених с невестой в мир причудливый, иной, ощущая легковесный трепет крыльев за спиной.

О, как дерзко мы витали, ошалевшие слегка, как игриво разгоняли золотые облака. Как отважно в них купались, словно в росах поутру, и, промокнув, выдирались, обсыхая на ветру.

А затем всё выше – к звёздам, в нерушимый их покой, где, казалось, очень просто до любой достать рукой. Но когда почти схватила ты ближайшую из них, с непонятной дикой силой налетел внезапный вихрь.

Замотал, кружа, болтая, окаянный этот гад, чудо крылья обрывая, напослед поддав под зад. И на землю, скорбно воя, больно сверзились мы...н-на!- с потрясённой головою, с полуматой ногою...

Ну, приснится же такое... неземное... с бодуна!

Просветление Клозетова

Когда впадаешь в мизантропию, то начинаешь философию копания в самом себе, хотя ты в нём ни «ме», ни «бе».

И данные поползновения уводят в глубину веков, где углублялось в рассуждения немало всяких умников.

Пытаясь что-то обосновывать, мудрили, кто во что горазд, внести, надеясь, нечто новое, но обжигались каждый раз.

Со всеми кантами, спинозами сейчас почти что наравне, мы с теми ж вечными вопросами всё в том же жизненном дерьме.

При всех успехах и стараниях сумев немалое понять, не объяснили Мироздание, как ни пытались объяснять.

И в бедственном своём ничтожии, всё недоступное вокруг, валим на Провиденье Божие, на дело дум Его и рук.

29.

Звания за знания

В Академии наук

Заседает князь Дундук.

А.С. Пушкин

Освоив классиков – французов (чьи книги «пробежать» он смог), решил доцент Гипотенузов по ним составить каталог.

Где в двух словах, а где и просто

одной лишь репликой (нахал!),

как некий ширпотреб по ГОСТу, он творчество их «оценил».

«Имеет это, мол, значение на скудной ниве просвещения.

Охваченный электорат познаниям кратким будет рад,

вернувшись в застолье или в бане, на удивление компании,

что, например, Аполлинер – «поэт из самых высших сфер» !..

Месье Бальзак де Оноре – «алмаз в чистейшем серебре».

Гюго – «ого!» А два Дюма – «навек весь мир свели с ума».

«Альфонс Доде – Доде Альфонс вознёсся в творчестве до звёзд!».

Ну а Золя – «Эмиль Золя- вообще ля-ля-ля и тру-ля-ля!

он, дабы что-то описать, сам мог всё это испытать:

спуститься в шахту, съездить в театр, иль головою под фиакр...».

А дальше Ги де Мопассан – «сладчайший, словно круасан».

И тут же господин Стендаль – «ему бы Нобеля медаль!».

С ним рядом мсье Гюстав Флобер – «что всем писателям пример».

И пара сот иных французов...»

А так, как всех познать не смог, не стал доцент Гипотенузов включать их в «Краткий каталог».

Но и на этом материале, введя его в научный круг,

Гипотенузов в идеале стал вскоре доктором наук.

От счастья сделавшись бодрее и новой страстью обуян,

вцепился тут же в Теккерея, Уайльда (с Дорианом Греем),

Шекспира, Шоу (не робея), и прочих славных англичан.

И вскоре сядет сей «дундук»

и в Академии наук.

30.

Виват Дали!

Модильяни, Фальк, Шагал, -

что ни выставят – скандал.

А уж Пикассо с Дали

всех вообще с ума свели.

Сколько сплетен наплели о Сальвадоре Дали,

или же, о Дали, чья вся жизнь в скандале.

Дескать, данный Сальвадор – задавака и позёр,
он коллег своих не чтит, даже классиков честит,
и такой он, и сякой, и немазанный - сухой,
гедонист, кривляка, сноб, хорошо его бы - в гроб,
и чтоб Пабло Пикассо затянул на нём лассо!..

Нарастает злобный визг.

А сеньор сюрреалист вновь такое выдаёт,

что врагов бросает в пот.

И уже не визг, а свист:

-Извращенец!.. Онанист!..

-Впрочем, у него жена... -... и она ему верна...

-На картинах, как ни глянь, всюду эта Гала – дрянь!

-Даже в образе Мадонны Гваделупской

он изобразил свою безбожную Галу!!!

-О TEMPORA, О MORES!

- О! О! О!

-Где ж тот Папа – понтифик, Ватикан кому вручён?..

-Почему сей еретик до сих пор не отлучён?

-Ведь позорит гад Дали всех католиков земли!..

Я художников люблю, хоть кого-то не терплю.

Видеть никогда не рад кубы, ромбики, квадрат.

По делам их им и честь...

А Дали и был и есть.

Я в числе его друзей прихожу в его музей,

вознося хвалу Дали -

Небожителю Земли!..

31.

Лишь бы только не ТО...

«Мысль изреченная есть ложь»- изрек поэт в стихотворенье, не ведая, какой галдёж взорвёт общественное мнение и вызовет переполох, сражённый этой дерзкой новью, что даже всякий кабысдох предастся с ней перетолковью.

-Да кто он есть? -Да как он смел? -Как, посягая на устои...

А он сенсаций не хотел, ведь просто вырвалось такое.

Но до сих пор отдельный ум, подчас учёный преучённый, балдеет от бессильных дум над этой фразой изречённой.

Коль «мысль есть ложь», то, что тогда пытались прояснить, однако, такие, впрочем, господа, как Н. Бердяев, С. Булгаков?

Любым «изыском» можно взять взыскующую камарилью: зад обнажённый показать, лишь только, чтоб заговорили.

Вот так же некий Казимир, зная, от бессилья и безделья, поверг в смятение грешный мир, представив странное изделие.

Не Гё, не Репин, не Рембрандт, завидуя и протестуя, он чёрный выставил квадрат- мазню нелепую, пустую.

И сразу вопли, прыть, и пыл, и новое столпотворенье познать, какой же смысл вложил творец в великое творенье.

И ныне ярый хлоп, и топ при всём, что выйдет на потеху, гарант, что всякое не ТО и есть гарантия успеха. Конечно, сравнивать грешно скандальный морок и шедевры. Но даже птичье гуано кому-то ведь щекочет нервы.

xxx Ф. Тютчев «Silentium!@

*** ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ ***

(пересмешки)

О талантах

Идут бесконечные споры в течение множества лет о наших поэтах – актёрах. Актёр он, или всё же поэт?

Какие-то ищут рецепты в завалах шальной чепухи, с чего вдруг Высоцкий, Рецептер, Филатов взялись за стихи.

А те, что поэты, бесспорно, и коих поклонники чтят, банально стремятся в актёры, себя режиссёрами мнят.

Но кроме подобных ретивцев (попробуй-ка всех перечти!) имеются и живописцы, и всяческие беллетристы, и прочие, Бог их прости!

И чешет чело обыватель, в духовных делах дилетант, то зритель, а то и читатель, кому не понятен талант

«Неужто людям не хватает известности, книжек, ролей, и что за вожжа подстрекает жить жарче, затратней, хмельней?»

Быть может, ответит на это, во всех ипостасях един, один из актёров- поэтов всеславный Борис Каморзин?

Алаверды Александру Галичу

Приключилась раз со мною история, подтвердит вам это даже милиция. Закатился я однажды в «Асторию»,

Познакомился я там с границею.

Пил я всё. И чем попало закусывал,
на часики не смотрел – время детское. Вдруг возникло предо мной нечто не русское,
я бы даже уточнил, не советское.

Футы-нуты, ножки - гнуты, галстук бабочка,
а за стёклами очков глазки светятся.
Иностранец это был с ненашей бабою.
-Разрешите, дескать, к вам присоседиться!

Я, конечно, им: -Пардон, как желаете.
Все известные слова спел, как арию.
-Ежли, значит, стало быть, уважаете.
то присядьте, так сказать, к пролетарию!

Тары- бары, растабары, разговорчики.
Только вижу: им со мною не терпится.
Ах, вы, думаю, бичи нерабочие,
ах, вы, гидры...как её?... интервенции!

Я им выдал кое-что тихим голосом,
я им наше показал воспитание,
потому как нет у них «моральных кодексов»
и не любят они соцсоревнования.

А они как заорут, мамы-папочки,
на своём на идиотском наречии,
И меня официант хрясть по «лампочке»,
а второй официант вдрызг по печени!..

Ну а я им голосю: - Аль взбесились?
Отчепися от меня, шайка-братия!
Это ж только за границей насилия,
а у нас, как говорят, демократия!

С той поры я не дружу с ресторанами,
в забегаловках сидеть тоже здорово.
А коль где-то вдруг узрю иностранное,

так немедленно бежу в другую сторону.

В греческом зале

1

В Музее изящных искусств, пред статуей Афродиты стоял, излучающий грусть, мужчина, изрядно подпитый.

В неожиданной приязни к сему, душа его боль источала. И Дева, внимая ему, казалось, его понимала.

-Ты, пав с Олимпийских высот вот в эти музейные сферы, не ведаешь, как меня ждёт такая же точно Венера. Почти что такая, как ты, но только иного создания, шедевр неземной красоты и, может, всего мироздания.

Как будто Природа сама вас с общей модели слепила. Но ты безголоса, нема. А та чересчур... говорлива. И как я вот ей докажу, что вновь не с Маруськой гуляю, а в данном музее сижу, культуру с тобой обретаю.

А ежели принял на грудь с утра с Парамошкой и Евой, так это с устатку, чуть- чуть, и, можно сказать, для сугреву.

2.

Загадочный мрамор молчал в ответ на его излиянья, но вроде внезапно печаль зарделась в очах изваянья. И будто бы даже в груди живое дыханье пробилось. И голос: - Не пей! Не блуди! И будет тебе её милость!

3.

Мужик обезумел: - Балдёж! - античным внушеньям внимая. -Ну, ты, Афродитка, даёшь, хотя ведь как будто немая. Небось, на Олимпах своих не только нектары цедила и с бандой сатиров и нимф с зевесами шашни водила. А тут вдруг пристойною стала!

И прочь потащился из зала.

4.

А чудом ожив, Афродита вдогонку плевалась сердито. И думала: «Ходят тут, ходят, нелепые бредни разводят. Меня, Афродиту – Венеру сравнить с некой глупой «холерой» !..

5.

И снова застыла, взирая, как толпы её озирают, и, слыша, как травят подонки: - Ух, нам бы такую бабёнку! Уж мы бы её бы, уж мы бы...

Но тут полутонная глыба легко и, казалось бы, просто сошла с номерного помоста и прямо с Геракловой силой обоих жлобов придавила.

Чтоб всякие выродки знали, нельзя борзеть в греческом зале!

Психодром

Из психической больницы, улучив момент, как-то ухитрился смыться важный пациент. Изловчился сокол ясный и вильнул хвостом, может самый преопасный в государстве том.

И пошла с того кошмара общая «пурга». Все подлюги санитары бросились в бега.

А врачи, что воем были, в страхах трепеща, с перепугу удавили главного врача. И твердили, словно мангры, впавши во грехи, что они не психиатры, а сантехники.

Все секретные спецслужбы, вся сыскная рать, госизмену обнаружив, кинулись карать. А затем и клан армейский, изъязвивши прыть, этот сброд злодейский змейский принялся давить.

И от общего кошмарства, впавшего в содом, превратилось государство в подлинный дурдом.

Где, негаданным презентом, поразив народ, объявился президентом псих, сбежавший тот.

А в психушке возрождённой, уstraшён и тих, выл, им лично утверждённый, новый главный «псих».

Муза

Поэт Федот безумствовал: - Обуза! Проклятье! Наваждение – моя Муза! Как видно, чёрт мне навязал её, привычное разрушив бытие. Всё делается по её хотенью, мой каждый стих подвержен расчленению и наставленьям, дабы я, Федот, достиг в твореньях пушкинских высот, иль хоть бы с Блоком слился, как родня. Вот так, зараза, достаёт меня! Но где там Пушкин, и куда уж Блок. Я сам себе, пускай не Блок, а бог, и чем меня Создатель одарил, тем буду жить, покуда хватит сил. Ну а поскольку больше не могу, терпеть ту Музу, то, ей- ей, сбегу!

И убежал, удрал, ядрёна мать!

И Муза тут же бросилась искать по всем знакомым бабам и дружкам, и по вокзалам, и по чердакам, где, беспардонно, свой разрушив быт, мог сдуру приютиться сей пиит.

И наконец явилась и в Союз – законное прибежище всех Муз, с претензией, что жалкий их собрат, подлец, а в совместительстве и гад, позорно смылся, как блудливый пёс, чем ей урон немислимый нанёс не только матерьяльный, но и ду- шевный. -И что будет, коль найду!

Притихли все. Застыла тишина, пока ярилась, гневна и грозна Федота Муза Саввишнаа - жена.

О, сколько их таких же, как она!

Приобщённый

В приморском парке на опушке надясь я встретил одного поэта, что отнюдь не Пушкин. И всё, и боле ничего.

Но так державно величаво он в тот момент пред мной предстал, как будто, утомлённый славой, сошёл, покинув пьедестал.

И я, как будто в изумленье, что лицезреть имею честь, «Я помню чудное мгновенье!»- изволил в честь его прочесть.

За что явленная персона, ко мне приятностью дыша, заулыбалась благосклонно и удалась не спеша.

А я же сам себе дивился, какой ведь хват, какой мастак, что враз с Искусством породился, запросто так, запросто так.

И впасть в величие готовый, с душой размякшей, как желе, я шёл. И мысленно лавровый венок цвёл на моём челе.

Учение - тьма

Пристал сосед к Антохе:- Подскажи, что эта за прокуда – падежи?

-А ты их разве в школе не учил?

-Кажись, учил, да сразу извлекил, чтоб глупостью башку не забивать. А тут кураж высился опять – на Нюрку, что из ЖЭКа номер шесть культурное влияние произвести.

-Ну слушай... И Антоха полиглот безмерную учёность выдаёт.

-Три падежа весомы и значительны в объёме – Именительный, Родительный, Предложный. И крепёж их заключён в КТО -ЧТО, КОГО-ЧЕГО, О КОМ- О ЧЁМ,

К триумvirату славному тому добавим, КОГО-ЧТО, КОМУ-ЧЕМУ – Винительный и Дательный. Затем Творительный с вопросами КЕМ -ЧЕМ. Но, чтоб ты это, в сущности, понял, представь себе какой-нибудь скандал.

-Какой? Где дружка дружке морду бьёт?

-А что? Такой вполне и подойдёт. Вот КТОто ЧТОто не вернул КОМУ. КОМУто, ну тебе, или ему, И КТО второй, такой же обормот, того КОГО за ЧТОто ЧЕМто бьёт.

А третий КТО, свидетель, шепотком: -А ЧТО тут? И ваще о ЧЁМ, о КОМ? КТО и КОГО? За ЧТО и за ЧЕГО? – сжигает любопытствие его, как и других, у коих «не зачем», а главное по интересу – ЧЕМ?

И так вот из различных падежей у многих жизнь, где лучше, где хуже. Ну, уяснил?

-Спасибо, не дурак. Но если я по пьяни, или так, по дури, вдруг кому-о приложу, то будет по какому падежу?

«Дездемон»

Когда Нюрка свою ревность изъясляет предо мной, то во мне сплошная нервность возникает, боже мой.

И такая растаможность наступает, хоть ты плачь, что унять её не может даже всесторонний врач.

Как райпсихиатер Гридев, что, познав, сколь я не прост, каждый раз, меня завидев, убегает за сто вёрст.

И его я понимаю и сочувствую вполне, ибо ведь и сам не знаю, что лютуется во мне.

А ведь всё от Нюрки этой, что готова, ей же ей, извести меня со свету из-за внешности моей.

Дескать, все вокруг лахудры, каждая блудная коза, на мои кудрявы кудри пялят подлые глаза.

Да и я, паскудник борзый, млея, изъясняя прыть, с каждой той метаморфозой рад немедля изменить.

И уж как я ни внушаю, что лишь с ней и по любви, всё равно не укрощает Нюрка ревности свои.

Ни таблетки, ни микстурки не дают душе покой, ибо я уже при Нюрке, словно Дездемон какой.

И к тому клонится дело, что, мрачней день ото дня, эта дикая Отелла может придушить меня.

Банька

(деревенская идиллия)

Возле баньки на лужайке у реки, в ходе пьянки расшумелись мужики, разоссорились, являя раж и прыть, кому нынче баньку общую топить.

Фрол кивает на Василя. А Василь: - Я ж болезный, бесполезный, и без сил. Вон, пущай наладит дело Крутов Влас, ибо, гидра, отвертелся в прошлый раз!

А у Власа брат Серёга Крутов – крут. Кулачищи у Серёги каждый в пуд. Ежли двинет ненароком по скуле, то считай, что ты уж в матушке-земле.

Отпадает Влас. Отмазался, козёл. Но тотчас же жертвы новые нашёл. Дескать, вон у нас Игнатий и Лексей, пусть потрудятся для благ общины всей!

А Игнатий тоже ушлый мужичок, у него, как у Серёги, кулачок, и, к тому же, он не только тракторист, но спортивный марафонец и самбист.

Тары-бары... Нарастает гневный спор. Уж по матушке ведётся разговор. В общем, так-то вот и этак, вашу мать. И никто ни в чём не хочет уступать.

А поскольку слов культурных не найти, Петька выдохнул: - Ну, Господи, прости! И соседушке Мирону, лют и лих, засандалил со всей дурусти под дых.

За Мирона, что свалился тяжело, встали два его дружбана. И – пошло! На полянке возле баньки у реки засвистели, замелькали кулаки.

Кто встояк, а кто уж лёжа: - Я те дам!.. По печёнкам, и по рожам, по зубам!

А когда поутомились морды бить, морды вытерли, и сели снова пить.

Удивлялись, да с чего же мы, братья, вдруг дошли до столь скандальной суеты? Из-за баньки нетопленной, мать её? Ну, так в речке обойдёмся без неё! Ить те в дышло, мы же общая семья – и сваты, и свояки, и кумовья!

А поелику суббота – банный день, и побитых мужиков сразила лень, вышли бабы их на общие труды, и дровишек натаскали, и воды.

Пар, наладив, завалились на полки. Дескать, хрен вам, а не банька, муженьки! Пораспарившись, румяны и легки, нагишом, как есть, рванули до реки.

А похмельный и чувствительный народ, видя данный вернисаж, раззявил рот, с величайшим вождельем свыше мер постигая красоту чужих «венер».

Накупавшись и руками срам прикрыв, бабы вновь рванулись к баньке – на прорыв! - и сияли в мелких капельках воды их литые крупноблочные зады.

Приодевшись, освежённые кваском, кто в обувке, а кто просто босиком, к благоверным своим злыдням подошли, и под ручки в ту же баньку отвели.

Ну а там для всех и веник, и парок... -Так что, лезьте, паразиты, на полоч, отмывайтесь, рожи грязные скребя, а не то ведь не допустим до себя!

...Ночь настала. В хатах окна не горят. Лишь везде диваны, коечки скрипят... Воскресенье завтра. Заново гульнём! А пока передохнём и... вновь начнём.

Деревенские страдальные

1.

Тридцатые годы

1.

Полюбила парня просто ни с сего, но об том не знает парень ничего. Знай, себе гуляет - кудри, грудь дугой. Девочек завлекает - каждый раз с другой.

А ко мне аж сотни липнут, как к меду, но всех отворотил этот какаду. Прикипел к сердечку, аки банный лист, мало шо насмешник, так и гармонист.

2.

Понакрывши плечи мамкиным платком, выхожу на встречу с ушлым ухарьком. Баю про покосы, говорю про льны, а ему, барбосу, энто хоть бы хны.

И кивнув: - Пардонь вам, с общей гран-мерси, от меня позорно дёрнул на рыси. Ну, а я ослабло слёзы лью ручьём. Вот бы догнала бы, огуляв дубьём.

Тока то желанье в горе затаю. Я ж с образованием – с семилеткою.

3.

Утешал дед Пронька, колупнув мозоль: - Наплювай, внучонка, ты на енту голь! В ём же, псе дроблёном, смысла никака. Ну а ты ж учёна – академика! Прополи капусту, накорми курей, и бежи на курсы для бухгалтерей!

4.

Но мене без Глебки просто нет житья. Ой, же, дура девка, ой, шалава я? Тока отстрадаю, как нахлынет вновь...

Вот же, блин, какая, энтая любовь!

2.

Наше время

Полюбила Маня Ваню, объявилась в Мане страсть. Только Ваня любит Кланю, тьфу ты, чтоб ему пропасть!

А та Кланя, прямо стерва, ходит, песни голося, всяко портя Мане нервы и губительно форся.

В креп-жоржетовом наряде, будто импортная фря, мордой в пудре и помаде Ваньку глупого дуря.

Ну и Ванька, тоже гордо, ей под пару разряжён, по деревне ходит в шортах, как изысканный пижон.

Он на Севере, на газе, пробыл пару лет подряд, «матерьяльну» создал базу, и сам чёрт ему не брат.

Раньше драные ковбойки, да дырявые порты. А теперь при шляпе, в «тройке», для всемерной красоты.

И когда проходит с Клуней, всей деревне напоказ, то и мужики, и парни дать ему желают в глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.